

Заключительное слово докладчика

С самого начала я обозначил то, что меня интересует, чем я намерен был заняться в докладе. И принципиально отсекаю, о чем говорить не хотел. Прошу это мне не ставить в упрек, иначе доклад был бы просто невозможен. А.И. Соловьев мне так и предсказывал: если я не выстрою предельно четких тезисов и не буду идти строго по ним, начнется расползание предмета и проблемы во все мыслимые и немыслимые стороны. И как я ни противодействовал такой опасности максимально жестким построением доклада — она-таки мощно прорезалась на обсуждении.

Я говорю о федерализме как о способе оформлять государство — в виде системы признания, где определяются и сосуществуют различные суверенитеты. А мне отвечают, что, дескать, в унитарных государствах тоже имеются Центр и периферия и что периферия там тоже имеет свои способы влиять на Центр. Я не понимаю, как можно и зачем нужно растворять проблематику суверенитета, т. е. власти как достояния определенного круга субъектов, повязанных взаимопризнанием, — в расплывчатом проблемном поле разнородных версий политического влияния. Б.А. Березовский мог иметь огромное политическое влияние, но его никто не считал ни за суверена, ни за законного пользователя российским государственным суверенитетом.

Заявляют, что сейчас суверенитет становится симулякром, поскольку американцы бомбят города в Ираке. Но это вообще чушь: концепция международных отношений, базирующаяся на идее суверенитета, как раз предполагает, что один суверен может употребить силу против другого суверена. На том сотни лет стояла вся западная политика.

Рассуждения об Иване Грозном — из разряда того же информационного шума, размывающего определенность темы. Я уже говорил, что в принципе самодержавие и суве-

ренитет — вещи различные: суверенитет предполагает множественность размежевавшихся суверенов; самодержавием утверждается лишь наличие субъекта-самодержца, но ровно ничего не постулируется — ни насчет мира, этому самодержцу не подвластного, ни насчет его отношений с этим миром. Легко и естественно, ткнув в карту, сказать: «До сих простирается суверенитет такого-то». Но плохо выговаривается утверждение в том роде, что вот, мол, досюда протянулось самодержавие такого-то властителя. Как-то даже курьезно это звучит, ибо суверенитет по сути своей геополитичен, а самодержавие — нет.

Но это вещи, достойные разговора, а те, что мы слышали об Иване Грозном, о том, что он лишь себя, султана да кесаря считал за суверенов, поскольку в иных государствах правят «мужики», — это вид той размазни, в которой теряется предмет. Когда Иван Грозный утверждал, что равные ему монархи — это исключительно кесарь и султан, он исходил из очевидной вещи — из римского имперского наследия, разделенного между ними тремя: между кесарем, наследником императоров «первого» Рима; султаном, принявшим после занятия Константинополя титул «кайсар-и-Руми»; и восходящим по крови к последним византийским басилевсам царем (то есть собственно «цесарем») Третьего Рима — Москвы. Именно на этом стоял Иоанн. А правят ли в той или иной стране мужики или не правят — вопрос был совсем из другой оперы. Во Французском королевстве, скажем, мужики явно не правили, но Иоанн по указанным критериям все равно не считал французского короля равным себе. А главное — тема суверенитета здесь не просвечивает никак, подобные экскурсии лишь работают на ее затемнение и захламление.

К сожалению, подобным же образом я должен оценить изречение насчет суверенитета от Бога и суверенитета от Человека. Интересно, что я слышу эту максиму уже в четвертый раз за последние три месяца, когда мне приходилось выступать с разными докладами и сообщениями по проблемам,

близким и сегодняшним. Людям хоть кол на голове теши: битый час рассказываешь о рождении суверенитета из взаимопризнания, соглашения, если угодно — стовора носителей власти, а философ послушает-послушает да, воздев глаза к небу, важно вымолвит: «В конечном счете, суверенитет — либо от Бога, либо от Человека...». Здесь многое смешалось: и подмена практического концепта суверенитета идеей Высшей Власти — даром что основные известные истории образы «власти от Бога» (средневековые папы, православные императоры Византии и России) никак не вписываются в новоевропейское понимание суверенитета (а другого понимания, собственно, и нет). Здесь и важный намек на взаимную суверенность Господа и души человеческой (притом что к сотворению и переделу политической собственности эта идея прикасается очень уж опосредованно; да и вообще, употребление слова «суверенность» в подобном применении — это игривый метафорический плагиат из лексикона политики, и не более того). Наконец, особенно здесь чувствуется сановитое желание указать на сокрытый за политической сутолокой ВЫСОКИЙ, ДУХОВНЫЙ ПЛАН, духовными очами прозреваемый. Но здесь вспоминается мне давнишнее замечание моего соавтора в юные годы Дениса Драгунского. Он как-то ехидно написал, что вещи, прозреваемые только духовно, как правило, можно не прозревать вовсе — за их полнейшей практической нерелевантностью.

Теперь, если позволите, я обращусь к выступлениям, которые были действительно по теме.

Во-первых, я не понимаю, почему понятия «суверенитет факта» и «суверенитет признания» здесь называют метафорами. Простите, это не метафоры, а термины с очень четким содержанием. Суверенитет факта — это когда субъект, реально осуществляющий власть, признается сообществом властителей в качестве одного из членов этого сообщества. Пример — признание в 1920-х большевистской России правительствами Запада. Суверенитет признания — когда субъект

ект власти создается и утверждается по преимуществу внешним международным признанием, когда оно творит власть как фактическую реальность. Суверенитет признания как принцип реализовался в XIX в. в Европе Священного союза, где правительства обязаны были жестко выдерживать стандарты монархического суверенитета, а Меттерних грозил интервенцией и низложением любому королю, который решился бы по своей воле даровать подданным конституцию, подрывая европейский консенсус. В наши дни суверенитет украинского «оранжевого народа» реализовался именно как суверенитет признания — внешнего признания, приведшего в президентское кресло на Украине кандидата «оранжевых». Суверенитет факта и суверенитет признания — это не метафоры, а термины предлагаемой вам теории. Термины, к которым вы не привыкли.

Думается, сходным образом дело обстоит и с формулой «политической собственности». Мне сделали очень важное замечание насчет того, что в ней проступает смешение обычно четко разграничиваемых юристами сфер — *private* и *public*. Понимаете, если мы обращаемся к истории суверенитета, то в лице феодала как владельца *private* и *public* не разделены вообще. В лице классического абсолютистского монарха, вылупившегося из христианской духовной империи, *private* и *public* тоже не разделены. Когда наступает критика монархического суверенитета, возникают удивительные формулы: власть *принадлежит* народу, суверенитет есть *достояние* государства. Это метафоры или это выражение некой реальности? Мне трудно здесь судить. И я считаю, что различие собственника и пользователя позволяет объяснить статус правительства в государствах, которые исходят из идеи народного суверенитета. Если народ — суверен, то что такое здесь правительство? Мне кажется, различие политической собственности и пользования ею — это очень операциональное различие и достаточно существенное, а не просто метафора.

Очень многое мне хотелось бы ответить А.И. Фурсову. Из-за нехватки времени я предложу пока что не ответ — он впереди, а своего рода тезисы ответа.

Андрей Ильич допускает, что шпенглеровская модель цивилизационного цикла может работать на материале истории самых разных высоких культур — но не Запада с его капитализмом. Однако Шпенглер разрабатывал свою цивилизационную алгебру именно для того, чтобы интерпретировать судьбу Запада как частный случай, частную цивилизацию вводимого им «цикла высокой культуры». Он показывал, что высокое средневековье, городская революция раннего модерна и Реформация, наконец, приход эпохи массовых обществ, империй и космополисов — посредством определенных алгебраических подстановок обретают топологические аналоги в истории античного мира и арабо-византийского Ближнего Востока, а с помощью подстановок менее для нас актуальных — в истории Египта, Ассирии-Вавилонии, Индии и Китая добуддистской поры. Он именно Запад взял за отправную площадку для разработки своего цикла. Почему же, на Ваш взгляд, этот цикл способен моделировать все что угодно, кроме Запада?

На слух неошпенглерянца, каковым является ваш почтенный слуга, абсурдно звучат возгласы, что якобы человек большевизма как-то мало похож на носителя кальвинистской этики. Ну да, а еще меньше — на араба дней Гарун-аль-Рашида, тем более на грека времен персидских войн или на египтянина начала Среднего царства. Подстановки в формуляр цикла от культуры к культуре оказываются очень разными. Если Шпенглер как примеры подстановок в формулу Реформации давал имена Пифагора, Мухаммеда и Кромвеля, я записываю сюда же имя Ленина. Во всяком случае, я предлагаю точку зрения, перед которой заранее дискредитированы рассуждения о том, что-де настоящих городов нигде и никогда не было, кроме как в Европе, потому что ни Китай, ни Египет не ведали магдебургского права, или что феодализма

тоже вне Европы нигде не бывало, ибо... и т. д., и т. п. Для меня «европейский город» — это лишь контекстная, применительно к Европе, реализация универсальной позиции «город», выступающей в алгебраическом формуляре шпенглеровского цикла.

Вы, Андрей Ильич, говорите о специфике западного капитализма, якобы сломавшего шпенглеровский цикл и переведшего динамику западной истории в совершенно иной регистр. Но в пору, когда Шпенглер работал над «Закатом», слово «капитализм» было обычным термином для антиковедов, как обозначение ориентированных на максимизацию денежной прибыли древних экономик, оформлявшихся на поздней стадии цивилизационного цикла — в эпоху космополисов и империй. Так понимали «капитализм» Карл Белох, Эдвард Мейер, Михаил Ростовцев. Вы говорили о римских — особенно сицилийских — латифундиях. Но латифундии — феномен вовсе не классической полисной античности, а разбухающего эллинистического *капитализма*. И вообще, не представляю: как бы Запад модерна обошелся без массированного применения рабского труда, если бы не исследованная Шпенглером в «Человеке и машине» специфическая цивилизационная предрасположенность этого Запада к машинерии, определившая характер и последствия многих подстановок в его цивилизационном цикле.

Что, собственно, не оправдалось из прогнозов Шпенглера на XX век? Перерождение парламентаризма в систему клан и клиентел? Твердое движение Запада по пути имперской организации пространств Земли? Предсказание о том, что XX в. будет веком состязания между «машиной» — инновативной индустрией — и «деньгами», финансовым капиталом с его информационным обеспечением? Что ко времени, когда деньги окончательно победят в этой войне, будет готово поле битвы для войны последней — «войны между деньгами и кровью» (не при авангардной ли схватке этой войны мы присутствовали 11 сентября 2001 г.)?

Да, оригинальнейших моментов в евроатлантической реализации шпенглеровского цикла более чем достаточно. Но отменяется ли ими то положение, что перед нами все-таки лишь частный случай?

Разумеется, не очень приятно низводить свою историческую вселенную до частного случая. Но русскому шпенглерянцу в чем-то даже повезло: перед его глазами на его земле схлестнулись ритмы двух великих цивилизационных частных случаев.

Что касается замечательного выступления С.Г. Карамурзы, то, скажу честно: идея первенства материального начала — не так уж бесспорна. Мне очень нравится Ваша книга «Революция на экспорт» и в ней рассуждение о том, как потерпел крушение тип подданного, водимого духом Отечества, и как всерьез утверждается новый тип человека, аналогичного западному человеку Нового времени, обретающему в борьбе право свое. В конечном счете, ведь когда Вы предлагаете конструировать новый народ, который противостоял бы оранжевой опасности, то эти люди уже не могут выступать как водимые духом существующего Отечества. Это люди, которые интериоризируют Отечество в себя, внутрь себя, и в своей борьбе стремятся обрести право свое. Но, простите, это уже другое состояние человека. Я думаю, что на самом деле, скорее всего, за большевистские годы сменился тип человека, а уже потом произошли материальные перемены.

В остальном мне остается только поблагодарить всех за внимание к моему докладу.